

Социальная структура. Социальная политика

© 2024 г.

С.В. МАРЕЕВА

НЕРАВЕНСТВО В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В МОНЕТАРНОМ И НЕМОНЕТАРНОМ ИЗМЕРЕНИИ: ДИНАМИКА ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

МАРЕЕВА Светлана Владимировна – кандидат социологических наук, заведующий Центром стратификационных исследований, НИУ «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (smareeva@hse.ru).

Аннотация. В статье на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ рассматривается динамика монетарного и немонетарного неравенств в российском обществе в последнее десятилетие через призму построенных на их основании моделей социальной стратификации. Показано, что монетарное и немонетарное неравенства во многом совпадают по своей конфигурации и характеризуются схожей динамикой. Сегодня российское общество представляет собой общество доминирующих по численности средних слоев как по доходам, так и по качеству жизни, и характеризуется дальнейшей динамикой «выравнивания по медиане» в массовых слоях населения. На микроуровне положение индивида в иерархии по доходам не всегда совпадает с соответствующим положением в иерархии по качеству жизни. Высокие или низкие доходы влияют на вероятность иметь те или иные возможности или риски, но не задают жестко соответствующее положение в иерархии немонетарных неравенств. Более того, однородность современного российского общества по качеству жизни оказывается даже выше, чем по доходам – это означает, что те или иные жизненные обстоятельства нивелируют разницу доходов, приводя к схожему положению людей с разным их уровнем. Полученные результаты демонстрируют нетривиальность задачи по снижению неравенства.

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство • монетарное неравенство • немонетарные неравенства • модели стратификации • средние слои

DOI: 10.31857/S0132162524090012

Теоретико-методологические основания анализа и эмпирическая база. Неравенство сегодня признается одним из ключевых глобальных вызовов социально-экономической устойчивости. Основания, проявления, последствия и динамика неравенства находятся в фокусе дискуссий о возможных векторах устойчивого развития как глобальных, так и страновых. Интерес к этой теме не снижается в силу трансформаций обществ, требующих переосмысления типов, причин и роли неравенств в современном мире. Экспертное сообщество и политики концентрируются на глобальных и страновых мерах по управлению неравенством. Два последних всплеска интереса к проблеме

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

социально-экономического неравенства, обусловленные глобальным экономическим кризисом 2008–2009 гг. и коронакризисом, сфокусировали исследовательскую повестку на многомерности неравенства, его субъективных аспектах, а также на оценке результативности мер политики, направленной на его сокращение. Вызовы текущего момента, существенно увеличивающие неопределенность глобальных условий развития, повышают актуальность исследований в этой области, особенно с учетом того, что негативные последствия неравенства не ограничиваются экономической сферой и проявляются одновременно на нескольких уровнях – индивидуальном, межличностном и уровне общества в целом [Wilkinson, Pickett, 2010].

Экономисты работают, прежде всего, с монетарными (денежными) неравенствами доходов и богатства, отмечая тенденцию их роста или как минимум устойчивости их масштабов [Piketty, 2014; Milanovic, 2016]. Социологи традиционно исследуют немонетарные (неденежные) неравенства, обращая внимание не только на их сохранение и углубление, но и на новые измерения [Grusky, 2011]. Немонетарные неравенства все чаще попадают в поле управленческой повестки, расширяя понимание вызовов, которые стоят перед современными обществами и возможностей для ответов на них [UNDP, 2024].

Актуальна проблема неравенства и для устойчивого развития России. При этом в фокусе внимания исследователей чаще оказываются отдельные ее аспекты (например, бедность и средний класс), чем комплексный анализ, хотя есть исключения – например, масштабные монографии коллектива под руководством О.И. Шкаратана [Шкаратан, 2012; Нова ли..., 2016]. С разных сторон с проблематикой неравенства работают и экономисты, и социологи [Овчарова и др., 2016; Горшков, 2016; Аникин, Тихонова, 2016; Капелюшников, 2017; Козырева, Смирнов, 2018; Ибрагимова, Франц, 2019; Проблемы..., 2021; Малева и др., 2022].

Задача снижения неравенства зачастую ставится в единой связке с решением проблемы бедности. Однако в новом Указе о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года¹ эта задача впервые получила количественные целевые показатели: согласно Указу, необходимо достигнуть снижения коэффициента Джини до 0,37 к 2030 г. и до 0,33 к 2036 г. (в 2023 г., по предварительным данным, коэффициент Джини составил 0,405²). Такая постановка вопроса дает возможность отследить прогресс в решении задачи снижения монетарного (денежного) неравенства в одном из его измерений, однако за скобками остаются немонетарные (неденежные) измерения неравенства, которые сложнее для оценки и мониторинга с точки зрения их динамики. Кроме того, даже снижение более понятного с точки зрения его измерения денежного неравенства может происходить за счет разных процессов – улучшения положения нижних слоев или ухудшения положения верхних. Отслеживание только лишь динамики коэффициента Джини не позволяет понять, как именно меняется конфигурация денежного неравенства в обществе, как оно распределяется между разными группами. Для определения общих контуров и специфики многомерного пространства неравенства в российском обществе, а также для выявления тенденций его изменения данных о динамике коэффициента Джини вкупе с традиционными статистическими показателями недостаточно. Важно осознавать, что стоит за общей картиной, какова численность групп с различным положением в пространстве неравенств, где проходят границы между нормой, благополучием и неблагополучием, какие зоны они формируют, и как эта ситуация меняется со временем.

Специфику монетарного и немонетарных измерений неравенства в российском обществе в последние годы можно увидеть через призму социологического подхода,

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?ysclid=lykmi79svc665998886&index=1> (дата обращения: 27.08.2024).

² ФСГС РФ. Коэффициент Джини (Индекс концентрации доходов) в целом по России и по субъектам Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Nb_Rd_1–2–5.xlsx (дата обращения: 27.08.2024).

в частности – через особенности моделей социальной стратификации. На сравнительный анализ конфигурации неравенств в рамках двух таких моделей, отражающих специфику монетарного и немонетарных неравенств, и оценку их динамики в последнее десятилетие направлена данная статья.

Методология исследования и эмпирическая база. При анализе монетарного неравенства в данном случае мы говорим о неравенстве доходов, используя показатель среднедушевого ежемесячного дохода в домохозяйстве индивида. Неравенство богатства среди массовых слоев населения было сознательно вынесено за скобки данной работы, поскольку оно релевантно в основном для анализа не попадающей в массовые опросы «верхушки», где концентрируется богатство, создавая высокое неравенство даже в рамках небольшой подгруппы (нельзя не отметить, что для России именно эта проблема стоит очень остро, выделяя ее на фоне других стран мира [Мареева, 2020]). Что касается массовых слоев населения, дифференциация их активов сравнительно невелика и во многом связана с наследием советской эпохи, поскольку наиболее дорогостоящим активом здесь является жилье [Богомолова, Черкашина, 2020].

Для выявления конфигурации неравенства по доходам в массовых слоях населения³ мы опирались на модель доходной стратификации – это одномерная модель, позволяющая выделить группы с разным уровнем доходов, характеризующиеся качественными отличиями между собой. В той версии относительного подхода, которую мы использовали, «отправной точкой» выступает распределение доходов, характеризующее конкретное общество в данный момент времени, и границы доходных групп установлены относительно медианы этого распределения, отражающей социальную норму уровня доходов в обществе, а не предзаданы конкретными суммами, как при абсолютном подходе. Для определения границ мы опирались как на международную практику, так и на результаты эмпирических проверок на микроданных РМЭЗ НИУ ВШЭ и ряда исследований ИС ФНИСЦ РАН (данная работа проводилась исследовательским коллективом под руководством Н.Е. Тихоновой⁴). В результате была предложена следующая методика выделения доходных групп:

- низкодходные россияне (с ежемесячными подушевыми доходами в их домохозяйствах менее 0,75 медиан);
- медианная группа (0,75–1,25 медианы);
- среднедоходные (от 1,25 до 2 медиан);
- высокодходные (с доходами более 2 медиан).

Общая конфигурация модели доходной стратификации отражает монетарное измерение неравенства в стране. Однако доходы далеко не в полной мере показывают общий уровень социально-экономического благополучия россиян, так как за рамками рассмотрения при этом остаются немонетарные (неденежные) возможности и риски в разных сферах, гораздо более комплексно характеризующие жизнь населения. Для понимания конфигурации немонетарного измерения неравенства был использован альтернативный подход к социальной стратификации, разработанный исследовательским коллективом под руководством Н.Е. Тихоновой, включавшем тех же участников [Общество..., 2022]. Подход построен на выявлении соотношения возможностей и рисков россиян в ключевых сферах жизни, которое и определяет их положение в иерархии немонетарных неравенств.

Ключевой теоретико-методологической рамкой анализа в данном случае выступает неовебериа́нский подход, предполагающий многомерность неравенства, а следовательно, и критериев стратификации [Weber, 1978]. В ходе разработки данного подхода было выделено несколько ключевых «осей» социальных координат: экономические условия жизни, ситуация на работе, возможности сохранения и наращивания своего

³ Далее мы будем говорить о населении в целом, подразумевая массовые его слои, поскольку верхние 3–5% традиционно остаются за пределами массовых опросов.

⁴ Состав исследовательского коллектива: С.В. Мареева, В.А. Аникин, Ю.П. Лежнина, Е.Д. Слободенюк, А.В. Каравай. Подробнее см. [Модель..., 2018].

человеческого потенциала, а также особенности потребления и досуга. Таким образом, данная модель отражает многомерность немонетарных неравенств, проявляющихся одновременно в разных сферах, и при этом не учитывает монетарное неравенство по доходам, что позволяет корректно проводить сравнение двух моделей. Для определения места индивида в иерархии немонетарных неравенств мы оцениваем отклонения имеющихся у него жизненных шансов и рисков как в «плюс», так и в «минус» от типичной для общества «социальной нормы». Эта же идея лежит в основе нашего подхода при построении модели монетарного неравенства, где «нормой» выступает медиана доходов, и границы групп отстраиваются по отношению к ней.

Шансы и риски в каждой из четырех перечисленных выше сфер оценивались через шесть показателей, три из которых относились к позитивной, а три – к негативной привилегированности. Интегральный индекс жизненных шансов, таким образом, включал 24 показателя (см. Приложение). На основании индекса с помощью эмпирических проверок на микроданных РМЭЗ НИУ ВШЭ и ряда исследований ИС ФНИСЦ РАН удалось выделить три массовых страты, качественно различающихся по своему положению в системе немонетарных неравенств:

- нижняя страта, для которой лишения и риски в ключевых иерархиях неравенств, не связанных с текущими доходами, доминируют над жизненными возможностями;
- средняя страта, в которой риски и возможности уравниваются;
- верхняя страта, наиболее заметно отличающаяся по своему положению в иерархии немонетарных неравенств за счет концентрации возможностей одновременно по разным осям, т.е. в разных сферах.

Далее мы оценим динамику численности разных групп в рамках этих моделей за последнее десятилетие, а также проанализируем их соотношение между собой, что позволит выявить специфику конфигурации неравенства в российском обществе в монетарном и немонетарном измерении. Эмпирической базой выступили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ⁵. Для анализа использовалась репрезентативная выборка каждой из волн, объединяющая россиян от 18 лет и старше.

Динамика монетарного и немонетарного неравенств. Монетарное неравенство находит свое отражение в данных официальной статистики (хотя их возможности в описании конфигурации неравенства, как мы отмечали выше, несколько ограничены), поэтому начнем рассмотрение с них. Данные свидетельствуют о том, что неравенство доходов с России в последние десятилетие медленно снижалось, что происходило, в том числе, за счет сокращения доли доходов в руках верхних 20% населения – хотя в последние годы этот тренд изменился, и коэффициент Джини в 2023 г. вновь преодолел отметку в 0,4. Уверенно снижается в последние годы уровень бедности, демонстрирующий один из «полюсов» доходного неравенства (табл. 1). Показатель бедности за 2023 г. явился историческим минимумом, обновив в этом качестве показатель 2022 г. – и задачами Указа⁶ предполагается продолжение этого тренда.

Если перейти от общей картины неравенства доходов к модели стратификации относительно страновой медианы среднедушевого ежемесячного дохода, то можно оценить, как динамика неравенства доходов, зафиксированная официальной статистикой, отражается

⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE – <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>)

⁶ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?ysclid=lykmi79svc665998886&index=1> (дата обращения: 27.08.2024).

Таблица 1

Характеристики неравенства доходов в России, 2013–2023 гг.

Показатели	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023*
Коэффициент Джини	0,417	0,412	0,411	0,411	0,410	0,414	0,412	0,406	0,409	0,398	0,405
Децильный коэффициент фондов, раз**	16,1	15,6	15,5	15,5	15,3	15,8	15,6	14,9	15,2	14,0	14,8
Децильный коэффициент***	7,3	7,1	7,1	7,1	7	7,2	7,1	6,9	7	6,6	6,8
Уровень бедности	10,8	11,6	13,5	13,3	13,0	12,7	12,4	12,2	11,1	9,0	8,5
Доля денежных доходов, приходящаяся:											
на нижние 20% населения	5,2	5,3	5,3	5,3	5,4	5,3	5,3	5,4	5,4	5,6	5,5
на верхние 20% населения	47,4	47,0	46,9	46,9	46,8	47,1	47,0	46,5	46,7	45,8	46,4

Примечание. * Предварительные данные. ** Соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами. *** Соотношение между минимальными доходами 10% населения с самыми высокими доходами и максимальными доходами 10% населения с самыми низкими доходами.

Источник: ФСГС РФ. Распределение и дифференциация денежных доходов населения. Уровень бедности. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 17.06.2024). За 2023 г. – предварительные оценки.

в изменении конфигурации неравенства по доходам на основе анализа численности разных доходных групп в общей структуре общества (рис. 1).

Обращаясь далее к немонетарным неравенствам, напомним, что подход через оценку жизненных рисков и шансов позволил выделить три массовые страты: нижнюю,

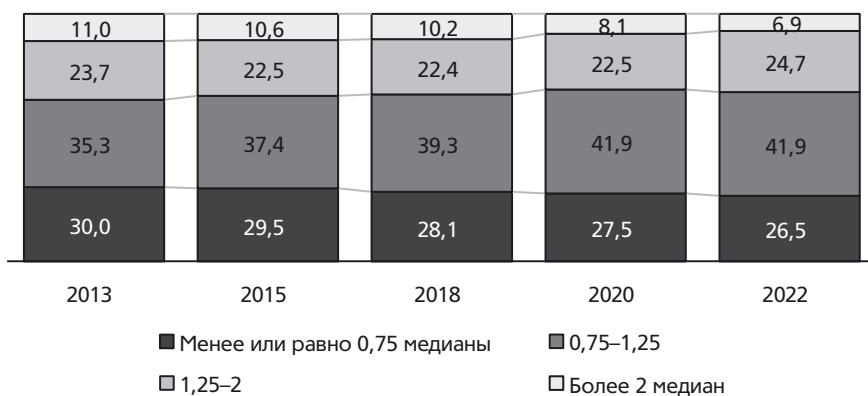

Рис. 1. Динамика численности доходных групп, выделенных относительно медианного дохода по стране, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2013–2022 гг., %⁷

⁷ Модель доходной стратификации построена для населения старше 18 лет в целях дальнейшего сопоставления с моделью по жизненным шансам и рискам, показатели и индикаторы которой применимы только ко взрослому населению страны. При учете детей численность доходных групп несколько меняется – сокращается среднедоходная группа и возрастает низкодоходная, что отражает хорошо известную из эмпирических исследований проблему малообеспеченности семей с детьми (на решение которой в последние годы был направлен целый ряд мер социальной политики), однако общая конфигурация модели сохраняется.

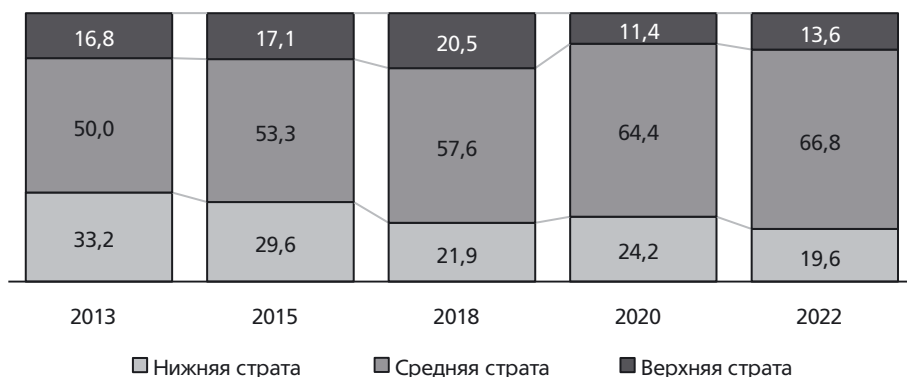

Рис. 2. Динамика численности страт по жизненным шансам и рискам, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2013–2022 гг., %

среднюю и верхнюю. Соотношение их долей в разные годы, отражающее изменение конфигурации немонетарных неравенств, представлено на рис. 2.

Итак, что позволяют сказать данные об изменении конфигурации неравенства в российском обществе в монетарном и немонетарном его измерениях в последнее десятилетие? Сопоставление двух моделей показывает, что монетарное и немонетарные неравенства имеют в современном российском обществе схожую конфигурацию. Это проявляется, прежде всего, в численном доминировании в соответствующих моделях срединных, «типичных» групп. Для модели доходной стратификации такой группой выступает медианная, представители которой характеризуются ежемесячными подушевыми доходами в их домохозяйствах в интервале от 0,75 до 1,25 страновой медианы⁸; для модели стратификации по жизненным шансам и рискам группой, представляющей типичное их соотношение для всего населения, выступает средняя страта, где риски уравниваются и даже несколько превышаются шансами, но о множественных шансах в разных сферах жизни говорить при этом не приходится. Численность этих групп, составляющая более 40% в первом случае и более двух третей – во втором, говорит о том, что значительная доля россиян проживают сегодня в очень близких условиях с точки зрения уровня доходов и качества жизни, характеризующегося теми возможностями и рисками, которые они имеют (хотя их конкретный набор при этом может различаться). Это также означает, что различия в уровне доходов россиян частично нивелируются в силу разных особенностей повседневной жизни, например, неэластичности расходов на здоровье или аренду или, наоборот, возможности решать какие-то вопросы неденежным путем. В итоге средняя страта, репрезентирующая типичное для населения в целом положение в системе немонетарных неравенств, оказывается шире медианной группы по доходам, репрезентирующей аналогичное положение на оси доходного неравенства. Другими словами, более двух третей населения

⁸ Методология ОЭСР, также использующая относительный подход для выделения разных доходных групп, относит к экономическому «среднему классу» население с доходами от 0,75 до 2 медиан [OECD, 2019]. Однако в условиях российского общества предыдущие исследования показывают, что группы с доходами от 0,75 до 1,25 медианы и от 1,25 до 2 медиан достаточно заметно различаются между собой; более того, именно между медианной и средней группой, т.е. на уровне 1,25 медиан, можно провести условную границу монетарного благополучия в российском обществе [Модель..., 2018]. При ее превышении расширяются материальные возможности, появляется потребительский выбор, становятся доступны хотя бы некоторые инвестиции в человеческий капитал, формирование сбережений и пр. Согласно той же методологии ОЭСР, к бедным при этом относятся те, кто имеет доходы менее 0,5 медиан – но для условий российского общества это тоже не совсем корректно: в силу низкой медианы такая граница бедности оказывается заниженной.

оказываются сегодня в очень схожем положении по качественным характеристикам своей повседневной жизни, связанным с ее экономическими условиями, особенностями потребления и досуга, возможностями в сферах образования и здравоохранения, а также ситуацией на работе – независимо от различий в уровне доходов.

Схожи модели распределения монетарного и немонетарных неравенств и в том, что зона неблагополучия оказывается в обоих случаях достаточно широкой и объединяет в себе от пятой части (в случае немонетарных неравенств по возможностям и рискам) до четверти населения (в случае неравенства доходов). Результаты предыдущих исследований, реализованных на данных периода, еще не характеризовавшегося внешними шоками под влиянием пандемии и санкций (2013–2018 гг.), показали, что неблагополучие в рамках обеих этих моделей относительно неглубоко, но при этом более устойчиво, чем благополучие [Модель..., 2018; Общество..., 2022]. Нужно отметить, что в отношении монетарного неравенства за последние 10 лет зона низких доходов сократилась примерно на 12%, а немонетарного – более чем на 40%, хотя это сокращение происходило неравномерно.

Доля благополучного населения по положению на осях монетарного и немонетарных измерений неравенства различается более заметно. В модели доходного неравенства она оказывается выше, объединяет в себе почти треть населения и характеризуется высокой неоднородностью: порог дохода в 2 медианы является границей, разделяющей достаточно разные по своим потребительским возможностям группы среднедоходных и высокодоходных россиян, хотя на фоне остального населения обе они относятся к зоне благополучия [Модель..., 2018]. В модели немонетарного неравенства по жизненным шансам и рискам к благополучному населению может быть отнесена в два раза меньшая доля населения, составляющая верхнюю страту – за счет большей распространенности срединного положения. Более того, если в модели немонетарных неравенств зона благополучия в целом меньше зоны неблагополучия, то в модели монетарного неравенства ситуация обратная, хотя расхождение масштабов этих групп невелико; более того, при учете детей, а не только взрослых старше 18 лет, в этой модели зона благополучия также оказывается уже зоны неблагополучия. Это говорит о том, что даже сравнительно высокие по массовым меркам доходы далеко не всегда приводят к качественному расширению возможностей и снижению рисков. К этому вопросу мы еще обратимся ниже.

Динамика численности разных групп в обеих моделях также оказывается схожа: в отношении как монетарного, так и немонетарного неравенства можно наблюдать расширение и так доминирующей в них по численности срединной зоны: растет группа с «типичными» для россиян доходами (от 0,75 до 1,25 медиан), и равновесным соотношением возможностей и рисков (средняя страта). Более того, и в том и в другом случае такая динамика не ситуационна, не выступает реакцией на внешние шоки, а является продолжением долгосрочной тенденции. В случае доходной стратификации доля медианной группы возросла с 2013 по 2022 г. с 35,3 до 41,9% населения. В случае модели по жизненным шансам и рискам доля средней страты выросла за аналогичный период еще более заметно – с половины населения до 66,8%, то есть процесс «выравнивания по медиане» положения населения в многомерном пространстве немонетарных неравенств носит в данном случае выраженный характер, опережающий конвергенцию по доходам.

Важно, что такая динамика в обоих случаях происходит не только за счет «подтягивания к среднему» тех россиян, которые находятся в зоне неблагополучия, но и за счет сокращения благополучных групп, хотя первый процесс является сравнительно более масштабным. Так, в модели доходной стратификации общая численность благополучных по доходам групп (среднедоходных россиян с доходами от 1,25 до 2 медиан и высокодоходных россиян с доходами более 2 медиан) сократилась за период 2013–2022 гг. с 34,7 до 31,6%, причем это сокращение носило монотонный характер, не реагируя сколько-либо резким образом на внешние шоки. Однако если посмотреть на две подгруппы в составе благополучных по доходам россиян отдельно, то видно, что наиболее заметно сокращалась

численность верхней из них, в то время как численность расположенной ниже среднедоходной даже немного возросла, будучи затронутой общей тенденцией усреднения.

В рамках модели по жизненным шансам и рискам, отражающей немонетарные неравенства, численность верхней страты за последнее десятилетие также сократилась – с 16,8 до 13,6%. Однако динамика не носила монотонного характера – до 2018 г. благополучная по качеству жизни группа, наоборот, расширялась, затем резко «обсыпалась» в период пандемии, а в последующие годы вновь восстановила свою численность. Это свидетельствует, с одной стороны, о неустойчивости наиболее благополучной среди массовых слоев населения в координатах немонетарного неравенства группы к внешним шокам, но с другой – о более высоких адаптационных возможностях ее представителей.

Что касается динамики неблагополучия, то в координатах монетарного неравенства низкодоходная группа медленно, но равномерно сокращалась на протяжении всего периода 2013–2022 гг., в то время как в координатах немонетарного неравенства нижняя страта сильнее реагировала на внешние изменения, в том числе и сменой направления тенденций изменения численности (так, в период пандемии наблюдался ее рост, а затем вновь стало происходить сокращение).

Таким образом, конфигурация немонетарных неравенств характеризуется большей волатильностью долевой представленности полярных групп в этих координатах – верхней и нижней страт, численность которых сильнее реагирует на внешние изменения социально-экономического контекста за счет перераспределения шансов и рисков, в то время как конфигурация монетарного неравенства, если оценивать его в рамках относительного подхода, отталкиваясь от медианы доходов, характеризуется большей монотонностью и более медленным темпом изменений в последние 10 лет. Имеющиеся данные позволяют проследить динамику монетарного неравенства по доходам даже на более длительной перспективе, чем прошедшее десятилетие (что, к сожалению, невозможно реализовать для используемой нами модели немонетарных неравенств в силу отсутствия в более ранних исследованиях соответствующих индикаторов). Данные показывают, что в долгосрочном периоде конфигурация неравенства по доходам заметно изменилась, причем эти изменения можно назвать качественными. Так, численное доминирование медианной группы стало характерно для нее только в последнее десятилетие. Это отличается от ситуации 2000-х гг., когда наиболее массовой была низкодоходная группа (с доходами менее 0,75 медиан), включавшая в себя около 30% населения [Модель..., 2018]. Однако доля медианной группы, возраставшая на протяжении 2000-х гг., к началу 2010-х гг. стала сопоставима с нижнедоходной группой, а затем и опередила ее, объединив в себе уже около трети населения. В дальнейшем она продолжила свое расширение, составив к 2022 г. уже более 40% населения. Таким образом, за последние 20 лет российское общество прошло путь от общества массовой низкодоходности к обществу массовых средних слоев, причем качественные изменения пришлось на первую половину этого периода, а изменения второй половины закрепили и усилили сложившуюся к началу 2010-х гг. конфигурацию неравенства по доходам.

Соотношение монетарного и немонетарного неравенств. Насколько построенные модели монетарного и немонетарных неравенств пересекаются между собой? Анализ показывает, что несмотря на схожую конфигурацию, их соотношение выглядит в современном российском обществе неоднозначно. С одной стороны, между ними прослеживается взаимосвязь, с другой – на микроуровне они зачастую не совпадают: качество жизни, отражающееся в возможностях и рисках в ключевых сферах жизни, не сводится к доходам. Так, в каждой из страт по жизненным шансам присутствуют представители как низкодоходных (с доходами менее 0,75 медиан), так и высокодоходных (с доходами более 2 медиан) групп, хотя в нижней страте доля первых сравнительно повышена, доля вторых – занижена, а в верхней страте – наоборот. Наиболее типичные медианные доходы (от 0,75 до 1,25 медиан) имеют от 33 до 43% представителей каждой из страт (табл. 2). Только в верхней страте эта группа не является наибольшей, что вызвано смещением доходов

Таблица 2

Соотношение распределения монетарного и немонетарного неравенств: доля представителей разных доходных групп в составе страт, 2022 г., %

Доходные группы	Страты по жизненным шансам и рискам			По населению в целом
	нижняя	средняя	верхняя	
Менее 0,75 медианы	41,6	24,9	12,1	26,5
0,75–1,25 медианы	42,3	43,4	33,4	41,9
1,25–2 медиан	13,4	26,0	35,0	24,7
2 и более медианы	2,7	5,7	19,5	6,9
Итого	100	100	100	100

Примечание. Здесь и в табл. 3 серым фоном выделены ячейки, значения в которых более чем в 1,5 раза отличаются от средних по населению в целом (темно-серым – в большую сторону, светло-серым – в меньшую).

Таблица 3

Соотношение распределения монетарного и немонетарного неравенств: доля представителей разных страт в составе доходных групп, 2022 г., %

Доходные группы	Страты по жизненным шансам и рискам			Итого
	нижняя	средняя	верхняя	
Менее 0,75 медианы	31,1	62,8	6,1	100
0,75–1,25 медианы	20,1	69,3	10,6	100
1,25–2 медиан	10,8	70,4	18,8	100
2 и более медианы	7,7	54,9	37,4	100
По населению в целом	19,6	66,8	13,6	100

ее представителей вверх. В итоге более половины тех, кто благополучен в системе немонетарных неравенств, благополучен и по положению на оси доходов.

С другой стороны, даже высокие, по массовым меркам, доходы обеспечивают попадание в верхнюю страту, благополучную с точки зрения соотношения в ней рисков и шансов, только чуть более чем в трети случаев (37,4%), в то время как более половины высокодоходных россиян оказываются в «типичном» положении в системе немонетарных неравенств, характерном для населения страны в целом и представленном средней стратой. С другой стороны, низкие доходы также чаще всего обеспечивают попадание именно в среднюю страту (62,8% случаев), но в более чем 30% случаев связаны с нахождением в нижней страте, что заметно отличается от ситуации в других доходных группах (табл. 3). Это еще раз говорит о том, что дифференциация доходов частично нивелируется при их трансформации в реальные жизненные возможности и риски, на которые влияют и иные факторы.

Динамика 2013–2023 гг. при этом показывает, что связь положения в системе монетарных и немонетарных неравенств индивидов на микроуровне в целом сохраняет свой характер на протяжении всего этого периода, несмотря на изменение конфигурации самих моделей, в частности, происходящее усреднение по доходам и по возможностям, о котором мы говорили выше. Это хорошо иллюстрируют вероятности для представителей разных доходных групп оказаться в той или иной страте по жизненным шансам и рискам по сравнению с типичными по стране в целом. Так, для низкодоходных россиян

вероятность оказаться в нижней страте в течение всего периода 2013–2022 гг. примерно в полтора раза превышала среднюю по стране. Медианные доходы на протяжении всего этого периода обеспечивали вероятность для их обладателей оказаться в нижней или средней страте так же часто, как и в среднем по стране. Средние доходы в 1,4 раза чаще, чем в среднем, позволяли оказаться в верхней страте, что еще раз подчеркивает различия медианной и среднедоходной группы с точки зрения их интегрального положения в иерархии монетарного неравенства. Наконец, высокие доходы резко (более чем в 2 раза) повышали вероятность оказаться в верхней страте на протяжении всего последнего десятилетия.

Подтверждается и расположение границы благополучия на уровне 1,25 медианы – при превышающих ее доходах вероятность оказаться в нижней страте резко снижается по сравнению с общероссийской, а в верхней – растет (хотя сосредоточены ее представители при этом в основном в середине).

Еще раз подчеркнем, что и зоны благополучия, и зоны неблагополучия в двух моделях, построенных на основании монетарного и немонетарного неравенства, совпадают далеко не полностью, и наибольшая консистентность положения характерна для «середины» – что не удивительно, учитывая, что именно срединные группы оказываются наиболее массовыми и в том и в другом случае.

Таким образом, доходы влияют на имеющийся спектр возможностей и рисков населения страны, но последние определяются далеко не только ими, а общая конфигурация соответствующих структурных позиций и их динамика приводят к тому, что даже высокие, по массовым меркам, доходы, более чем в половине случаев не приводят к значительным отличиям в качестве жизни в целом, а низкие доходы – тоже более чем в половине случаев – не означают множественных рисков при отсутствии каких-либо жизненных возможностей.

Основные выводы. Результаты анализа показали, что конфигурация монетарного неравенства по доходам и немонетарного неравенства по жизненным шансам и рискам в ключевых сферах жизни (экономические условия, ситуация на работе, сфера образования и здоровья, сфера потребления и досуга) имеет общие черты и позволяет описать сегодняшнее российское общество как общество массовых средних слоев. В модели неравенства по доходу более четверти составляет низкодоходная группа, чьи доходы не позволяют поддерживать типичный для россиянина образ жизни; около 40% – средние слои, имеющие типичный для всего населения уровень доходов (медианный) и характеризующиеся относительно скромным стандартом жизни, превышающим, однако, стандарт выживания, а остальных можно отнести к верхней части массовых слоев населения, которые, однако, довольно сильно различаются между собой. Модель немонетарных неравенств позволяет выделить неблагополучную нижнюю страту (около пятой части населения), массовую (объединяющую уже около 2/3 населения) среднюю страту, а также наименьшую по численности верхнюю страту.

Обе модели неравенства не продемонстрировали в 2020-х гг. качественных изменений даже в условиях внешних шоков принципиально нового характера, что указывает на их сформированность. В более длительном периоде, охватывающем последнее десятилетие (а для модели доходного неравенства период с начала 2000-х гг.) обе модели продемонстрировали процесс «выравнивания по медиане» положения массовых слоев населения страны как в иерархии неравенства по доходам, так и в иерархии неравенства по возможностям. Таким образом, большая часть населения страны оказывается сегодня в очень близком положении как по уровню доходов, так и по качеству жизни. Массовость «середины» увеличивается не только за счет подтягивания к ней части нижних слоев, но и за счет «осыпания» верхних, что сокращает зону массового благополучия в российском обществе, и так относительно небольшую. Это идет вразрез с запросами наиболее образованных и квалифицированных россиян, поскольку сокращает для них возможности вертикальной мобильности.

Соотношение монетарных и немонетарных неравенств на микроуровне тоже достаточно устойчиво в долгосрочной перспективе, хотя при этом и неоднозначно. Высокие или низкие доходы влияют на вероятность иметь те или иные возможности или риски, но не задают жестко соответствующее положение в иерархии немонетарных неравенств. Более того, однородность современного российского общества по качеству жизни оказывается даже выше, чем по доходам – это означает, что те или иные жизненные обстоятельства нивелируют разницу доходов, приводя к схожему положению людей с разным их уровнем. Это в очередной раз подчеркивает нетривиальность задачи сокращения неравенства, а также необходимость его измерения и анализа через призму не только доходов, но и комплексного подхода к оценкам качества жизни и благополучия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Субшкалы и показатели, использованные для построения модели стратификации российского общества по жизненным шансам и рискам

Показатели шкалы позитивной привилегированности	Показатели шкалы негативной привилегированности
<i>Субшкала «Экономические условия жизни»</i>	
Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья	Наличие множественных или крупных долговых обязательств
Наличие иной недвижимости при условии одновременного наличия автомобиля	Наличие значительных неэластичных текущих расходов помимо долговых обязательств
Наличие инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них продолжительный период	Нестабильность доходов
<i>Субшкала «Ситуация на работе»</i>	
Наличие ресурса влияния на работе	Неблагоприятные условия занятости
Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства россиян	Несоблюдение на работе базовых трудовых прав, предусмотренных законодательством
Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости	Риски длительной безработицы
<i>Субшкала «Возможности сохранения и наращивания своего человеческого потенциала»</i>	
Возможность использовать социально привлекательные виды образования для взрослых и детей	Недоступность необходимого образования из числа массовых его форм
Возможность использовать относительно лучшие, чем гарантируются государством, формы заботы о здоровье	Вероятность значимого ухудшения здоровья
Наличие развитых навыков существования в цифровой среде	Отсутствие доступа к IT-технологиям в повседневной жизни
<i>Субшкала «Особенности потребления и досуга»</i>	
Возможность расширенного стилевого товарного потребления	Суженный стандарт предметного потребления
Особая комфортность жилищных условий	Плохие жилищные условия
Хорошие возможности проведения отпуска	Наличие пищевых деприваций

Источник: [Общество..., 2022].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин В.А., Тихонова Н.Е. Бедность и неравенство в странах БРИКС: российская специфика // Общество и экономика. 2016. № 1. С. 78–144.
- Богомолова Т.Ю., Черкашина Т.Ю. Стратификация по нефинансовому богатству российских домохозяйств: высота, профиль, детерминанты // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29. № 4. С. 6–33.
- Горшков М.К. Общественные неравенства в пореформенной России: социологический диагноз // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2016. № 4. С. 693–718.
- Ибрагимов З.Ф., Франц М.В. Неравенство возможностей в Российской Федерации: измерение и оценка на микроданных // Прикладная эконометрика. 2019. Т. 54. № 2. С. 5–25.
- Капелюшников Р.И. Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 117–139.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Масштабы и динамика социально-экономического неравенства в современной России // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 16. М.: Новый хронограф, 2018. С. 290–318.
- Малева Т.М., Карцева М.А., Кузнецова П.О. Неравенство возможностей в российских регионах: объективные оценки и особенности восприятия населением // Экономика региона. 2022. Т. 18. № 3. С. 673–686.
- Мареева С.В. Монетарное неравенство в России в социологическом измерении // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 3. С. 78–98.
- Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н.Е. Тихоновой М.: Нестор-История, 2018.
- Нова ли Новая Россия? / Под ред. О.И. Шкаратана, Г.А. Ястребова М.: Универ. книга, 2016.
- Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Под ред. Н.Е. Тихоновой М.: Весь Мир, 2022.
- Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. Т. 3. № 31. С. 170–185.
- Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае / Под ред. М.К. Горшкова, П.М. Козыревой и др. М.: Новый Хронограф, 2021.
- Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: НИУ ВШЭ, 2012.
- Grusky D. The stories about inequality that we love to tell // The Inequality Reader. Contemporary and Foundational Readings in Race, Class, and Gender / Ed. by D. Grusky, S. Szelenyi. Boulder, CO: Westview Press, 2011. P. 1–13.
- Milanovic B. Global inequality: A new approach for the age of globalization. Cambridge, MASS: Harvard University Press, 2016.
- OECD. Under pressure: The squeezed middle class. Paris: OECD Publishing, 2019.
- Piketty T. Capital in the twenty-first century. Cambridge, MASS: Harvard University Press, 2014.
- UNDP. Human Development Report 2023–2024: Breaking the gridlock: Reimagining cooperation in a polarized world. N. Y., 2024.
- Weber M. Economy and society: An outline of interpretive sociology. Berkeley: University of California press, 1978.
- Wilkinson R., Pickett K. The spirit level: Why equality is better for everyone. L.: Penguin UK, 2010.

Статья поступила: 08.07.24. Финальная версия: 27.08.24. Принята к публикации: 05.09.24.

MONETARY AND NON-MONETARY INEQUALITIES IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: DYNAMICS OF THE RECENT DECADE

MAREEVA S.V.

HSE University, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Svetlana V. MAREEVA, Cand. Sci. (Sociol.), Head of Centre, HSE University; Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (smareeva@hse.ru).

Acknowledgement. This article is an output of research project implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University.

Abstract. The article examines the monetary and non-monetary inequalities dynamics in Russian society over the last decade through the prism of social stratification models using the RLMS HSE data. It is shown that the general configurations of monetary and non-monetary inequalities share similar characteristics and similar trends. As a result, Russian society today is not only a society of dominant middle strata, both in terms of income and quality of life, but is also characterized by a further dynamic of “median averaging” in the mass strata of the population. The middle stratum in terms of quality of life is larger than the median group in terms of income: more than two thirds of the population are now in a very similar position in terms of the qualitative characteristics of their daily lives, regardless of the fact that their income levels may differ. The configuration of non-monetary inequalities is characterized by greater volatility in the shares of the polar groups, which are more responsive to external changes in the socio-economic context, while the configuration of monetary inequality (assessed using the relative approach based on median income), is characterized by greater monotonicity and a slower rate of change over the last 10 years. In the long run, however, the configuration of income inequality has also changed quite significantly: the dominance of the median group became characteristic only in the last decade. At the micro level, the position in the income hierarchy is not strictly linked to the respective position in the quality of life hierarchy. The results show that the task of reducing inequality is not trivial.

Keywords: monetary inequality, non-monetary inequality, stratification models, middle strata.

REFERENCES

- Anikin V.A., Tikhonova N.E. (2016) Poverty and inequality in the BRICS countries: Russian specifics. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy]. No. 1: 78–144. (In Russ.)
- Bogomolova T., Charkashina T. (2020) The stratification of Russian households by non-financial wealth: Volume, structure and correlates. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology/. Ethnology]. Vol. 29(4): 6–33. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (2016) Social inequalities in post-reform Russia: a sociological diagnosis. *Vestnik RUDN. Ser.: Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology]. No. 4: 693–718. (In Russ.)
- Grusky D. (2011) The stories about inequality that we love to tell. In: *The Inequality Reader. Contemporary and Foundational Readings in Race, Class, and Gender*. Ed. by D. Grusky, S. Szelenyi. Boulder, CO: Westview Press: 1–13.
- Ibragimova Z.F., Franz M.V. (2019) Inequality of opportunity in the Russian Federation: measurement and evaluation on microdata. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics]. Vol. 54(2): 5–25. (In Russ.)
- Is the New Russia New* (2016)? Ed. by O. Shakaratan, G. Yastrebov. Moscow: Univer. kniga (In Russ.)
- Kapelyushnikov R.I. (2017) Inequality: how not to primitivize the problem. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 4: 117–139. (In Russ.)
- Kozyreva P., Smirnov A. (2018) Scale and dynamics of socio-economic inequality in modern Russia. In: *Russia reforming: a yearbook*. Vol. 16. Moscow: Novyj khronograf: 290–318. (In Russ.)
- Maleva T.M., Kartseva M.A., Kuznetsova P.O. (2022) Inequality of opportunities in Russian regions: objective assessments and peculiarities of the population's perception. *Ekonomika regiona* [Regional Economics]. Vol. 18(3): 673–686. (In Russ.)
- Mareeva S.V. (2020) Monetary inequality in Russia in the sociological dimension. *Vestnik Instituta Sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 3(11): 78–98. (In Russ.)
- Milanovic B. (2016) *Global inequality: A new approach for the age of globalization*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Model of income stratification of Russian society: dynamics, factors, cross-country comparisons*. (2018) Ed. by N. Tikhonova. Moscow: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
- OECD (2019). *Under pressure: The squeezed middle class*. Paris: OECD Publishing.

- Ovcharova L.N., Popova D.O., Rudberg A.M. (2016) Decomposition of income inequality factors in modern Russia. *Zhurnal novoj jekonomicheskoy asociacii* [Journal of the New Economic Association]. No. 31(3): 170–185. (In Russ.)
- Piketty T. (2014) *Capital in the twenty-first century*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Shkaratan O.I. (2012) *Sociology of inequality. Theory and reality*. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Social equality and justice in Russia and China*. (2021) Ed. by M.K. Gorshkov, P.M. Kozyreva et. al. Moscow: Novyj Hronograf. (In Russ.)
- Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia*. (2022) Ed. by N. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- UNDP (2024). *Human Development Report 2023–24: Breaking the gridlock: Reimagining cooperation in a polarized world*. New York.
- Weber M. (1978) *Economy and society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University of California press.
- Wilkinson R., Pickett K. (2010) *The spirit level: Why equality is better for everyone*. London: Penguin UK.

Received: 08.07.2024. Final version: 27.08.2024. Accepted: 05.09.2024.